СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XLI, № 4.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1886 ГОДЪ.

составленный
А. Ѳ. Бычковымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)
1887.

59*

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1887 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1886 годъ,

составленный академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1886 года.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, представляя отчетъ о своей годичной дѣятельности, считаетъ долгомъ начать его воспоминаніемъ о совершившемся 25 августа истекающаго года столѣтіи со дня рожденія бывшаго президента Академіи Наукъ и министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова, при которомъ, по мысли Государя Императора Николая Павловича, Россійская Академія была присоединена къ Академіи Наукъ въ видѣ самостоятельнаго ея отдѣленія. Объ ученыхъ трудахъ графа Уварова и объ его государственной дѣятельности и заслугахъ въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія было произнесено теплое слово съ этой же каѳедры покойнымъ академикомъ П. А. Плетневымъ. Къ сказанному имъ позволяю себѣ прибавить слѣдующее: если время процвѣтанія Московскаго университета, когда былъ его попечителемъ графъ С. Г. Строгановъ, носитъ названіе Строгановскаго, то времени управленія графа Уварова министерствомъ народнаго просвѣщенія

должно по справедливости присвоить названіе Уваровскаго. Переустройство среднихъ учебныхъ заведеній; обновленіе новыми силами состава профессоровъ въ университетахъ; учрежденіе Кіевскаго университета, Пулковской астрономической обсерваторіи и Археографической коммиссіи; введеніе въ университетское преподаваніе славяновѣдѣнія, для чего были созданы особыя каѳедры; принятіе, какъ въ Казанскомъ университетѣ, такъ и въ Академіи Наукъ, мѣръ для болѣе основательнаго изученія восточныхъ языковъ и болѣе близкаго ознакомленія съ Востокомъ; водвореніе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ окраинъ; наконецъ, просвѣщенное содѣйствіе научнымъ трудамъ и ученымъ экспедиціямъ — даютъ на это полное право. Будучи филологомъ, графъ Сергій Семеновичъ вполнѣ понималъ значеніе языкознанія въ обширной области человѣческаго вѣдѣнія, и громадные успѣхи, которые эта отрасль знанія сдѣлала въ Западной Европѣ съ начала настоящаго столѣтія, побудили графа ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о настоятельной необходимости преобразовать Россійскую Академію, чтобы поставить на надлежащую высоту изученіе отечественнаго языка, и когда состоялось высочайшее повелѣніе объ образованіи Второго Отдѣленія Академіи Наукъ, то графъ Уваровъ начерталъ для него въ 1841 году положеніе, до нынѣ дѣйствующее, съ довольно обширнымъ кругомъ занятій, и слѣдилъ, до самой своей кончины, съ живымъ сочувствіемъ за дѣятельностію и трудами Отдѣленія.

Задачи, возложенныя этимъ положеніемъ на Отдѣленіе, оно постоянно, по мѣрѣ своихъ силъ, старалось осуществлять. Одною изъ такихъ задачъ было составленіе полнаго словаря русскаго языка, который совмѣщалъ бы въ себѣ все его богатство. Черезъ 6 лѣтъ послѣ своего образованія Отдѣленіе издало въ 4 томахъ Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, заключавшій въ себѣ 114,749 словъ. Этотъ трудъ представлялъ и много достоинствъ и не мало недостатковъ. Поэтому вопросъ о новомъ его изданіи, при которомъ признавалось необходимымъ

пересмотрѣть и исправить его, возникалъ неоднократно въ Отдѣленіи, и только въ настоящемъ году оно съ удовольствіемъ можетъ заявить, что приступило съ одной стороны къ приготовленію матеріаловъ для словаря, въ которомъ значеніе и употребленіе словъ будетъ подтверждаться примѣрами, заимствованными изъ сочиненій лучшихъ нашихъ писателей, начиная съ Ломоносова, въ хронологической ихъ послѣдовательности, а съ другой къ новому изданію прежняго словаря. Для первой цѣли, по порученію Отдѣленія и по его указаніямъ, уже составленъ магистрантомъ С.-Петербургскаго университета, Н. А. Смирновымъ словарь къ сочиненіямъ Ломоносова, который ляжетъ въ основу будущаго историческаго словаря русскаго языка. Этотъ добросовѣстно исполненный трудъ, можно надѣяться, выйдетъ въ свѣтъ въ будущемъ году. Одновременно съ этимъ Отдѣленіе озаботилось приготовленіемъ словарныхъ выписокъ и изъ другихъ писателей и въ одномъ изъ своихъ засѣданій уже разсматривало словарныя выписки изъ «Капитанской дочки» Пушкина. Что касается второй задачи, то починъ ей былъ данъ обширною и обстоятельною запискою академика Я. К. Грота, которую онъ внесъ въ Отдѣленіе. Въ этой запискѣ достоуважаемый академикъ, уже давно занимающійся приготовительными трудами по словарю и грамматикѣ русскаго языка, предложилъ планъ исправленнаго и дополненнаго изданія академическаго словаря и представилъ, въ видѣ опыта, обработанную имъ на основаніи этого плана одну изъ буквъ алфавита, при чемъ изложилъ, какія измѣненія слѣдуетъ ввести въ словарь, или другими словами: что́ изъ него необходимо исключить, чѣмъ его дополнить и какъ упорядочить заключающійся въ немъ богатый матеріалъ для болѣе удобнаго пользованія. Отдѣленіе одобрило предложенныя основанія и измѣненія и пригласило для подготовительныхъ работъ двухъ молодыхъ ученыхъ, магистрантовъ С.-Петербургскаго университета, Смирнова и Пѣтухова. Непосредственное наблюденіе надъ ходомъ ихъ работъ взялъ на себя Я. К. Гротъ.

равно какъ и окончательную редакцію словаря, въ которой вызвались принять участіе и прочіе члены Отдѣленія.

По предложенію же академика Грота Отдѣленіе приступило къ приготовленію новаго изданія областнаго словаря, такъ какъ напечатанный въ 1852 году «Опытъ областнаго словаря великорусскаго языка» давно уже исчезъ изъ продажи. При переработкѣ этого тома предполагается включить въ составъ его какъ тѣ дополненія къ нему, которыя позднѣе были напечатаны Отдѣленіемъ особою книгою, такъ и списки областныхъ словъ, помѣщенные въ разныхъ изданіяхъ и доставленные въ Отдѣленіе, между прочимъ областной словарь Вологодской губерніи, составленный В. А. Баженовымъ, который предварительно будетъ напечатанъ въ Сборникѣ Отдѣленія.

Въ настоящемъ году академикъ Гротъ напечаталъ 5-мъ изданіемъ свой трудъ: «Русское правописаніе», при чемъ воспользовался нѣкоторыми изъ замѣчаній, высказанныхъ объ немъ въ теченіе полутора года со времени перваго изданія его, и такимъ образомъ это руководство явилось въ нѣсколько измѣненномъ и значительно пополненномъ видѣ противъ первыхъ четырехъ. Между прочимъ, въ приложенный къ нему указатель занесено много словъ, которыхъ прежде въ немъ не было, и при нѣкоторыхъ словахъ помѣщены и такія ихъ начертанія, которыя хотя не вполнѣ одобряются Отдѣленіемъ, но могутъ быть допускаемы, потому что они не противорѣчатъ принятымъ Академіею основнымъ началамъ. Это сдѣлано по желанію многихъ преподавателей, чтобы доставить имъ возможность держаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочитаемой ими орѳографіи и относиться снисходительно къ учащимся, употребляющимъ то или другое изъ двухъ начертаній. Встрѣчавшіяся въ печати насчетъ академическаго руководства недоразумѣнія побудили академика Грота составить особую объяснительную записку, въ которой многія правила подкрѣплены новыми доводами, неосновательныя же возраженія опровергнуты. Записка эта была читана въ засѣданіяхъ Отдѣленія и потомъ издана особою брошюрою подъ загла-

віемъ: «Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ: Русское правописаніе». Отдѣленіе надѣется, что нѣкоторыя исправленія, внесенныя академикомъ Гротомъ въ свой трудъ и имѣвшія цѣлію его усовершенствованіе, послужатъ къ окончательному установленію положительныхъ правилъ для нашего правописанія, и что такимъ образомъ вскорѣ исчезнетъ та двойственность написанія нѣкоторыхъ словъ, которая допущена, какъ уступка утвердившемуся употребленію. Впрочемъ, слѣдуетъ припомнить, что правописаніе и въ другихъ языкахъ, какъ напр. въ нѣмецкомъ и французскомъ, приводилось къ единообразію съ большими затрудненіями и послѣ многихъ пререканій между учеными.

Богатые матеріалы для словаря древне-русскаго языка, извлеченные покойнымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ преимущественно изъ рукописныхъ памятниковъ, хранящихся въ разныхъ нашихъ библіотекахъ, приводятся въ порядокъ его дочерью О. И. Срезневскою. Часть этого многолѣтняго и съ нетерпѣніемъ ожидаемаго труда уже окончательно обработана до буквы Л, и съ будущаго года начнется его печатаніе подъ наблюденіемъ академиковъ Ягича и Бычкова.

Словарь литовскаго языка, составленный братьями Юшкевичами, остановился было печатаніемъ за смертію и втораго изъ его составителей, Ивана Васильевича, и за отъѣздомъ академика Ягича, просматривавшаго этотъ трудъ. Важное значеніе этого словаря, который по полнотѣ далеко оставляетъ за собою всѣ существующіе, заставило Отдѣленіе употребить всѣ мѣры къ его продолженію, и дальнѣйшее веденіе дѣла принялъ на себя профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и санскритскаго языка, Ф. Ѳ. Фортунатовъ.

Богатымъ матеріаломъ для словаря церковно-славянскаго языка и изученія его строя является изданіе древнихъ письменныхъ памятниковъ. Въ трудахъ Отдѣленія нерѣдко было отводимо имъ мѣсто. Въ настоящемъ году отпечатанъ громадный и въ высшей степени важный трудъ, носящій заглавіе: «Служеб-

ныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь въ церковно-славянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 годовъ». Редакторомъ этого труда былъ академикъ Ягичъ, которому славянская филологія уже обязана превосходнымъ изданіемъ двухъ древнихъ памятниковъ южно-славянской письменности, писанныхъ глаголицею: Зографскаго евангелія и Маріинскаго четвероевангелія. Почти три года академикъ посвятилъ на изданіе этихъ миней, и оно, безъ преувеличенія, можетъ быть названо образцовымъ. Въ обширномъ введеніи, предпосланномъ тексту, И. В. Ягичъ сообщилъ: подробное палеографическое описаніе памятниковъ, служившихъ источниками изданія; исторію состава служебныхъ миней, начало которыхъ относится къ концу IX вѣка; причину разнообразія ихъ состава, которая кроется въ томъ, что въ X и XI вѣкахъ и составители пѣснопѣній и предстоятели церквей въ дѣлѣ устроенія церковнаго богослуженія пользовались еще большою свободою; опредѣленіе авторовъ, которымъ принадлежатъ каноны, помѣщенные въ изданныхъ минеяхъ, такъ какъ въ рукописяхъ эти авторы не поименованы; наконецъ, въ видѣ образца, нѣсколько примѣровъ возстановленія правильнаго чтенія испорченныхъ, иногда до смѣшнаго, мѣстъ въ этихъ рукописяхъ. На послѣднее было положено редакторомъ много труда. Переводчики буквально передавали греческія слова славянскими, нисколько не вникая въ смыслъ подлиннаго текста, вслѣдствіе чего и переводъ выходилъ иногда темнымъ, а иногда и совсѣмъ непонятнымъ; впрочемъ, и самый греческій текстъ пѣснопѣній, вошедшихъ въ служебныя минеи, то возвышенно-поэтическихъ, то цвѣтистыхъ, большею частью иносказательныхъ и обилующихъ пояснительными вставками, представляетъ нерѣдко трудности къ точному его уразумѣнію. Позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ выводахъ, которые вносятся въ науку настоящимъ изданіемъ. Служебныя минеи въ главномъ своемъ составѣ представляютъ два различныхъ славянскихъ перевода: одинъ старый, бывшій въ употребленіи съ XI вѣка; другой новый, встрѣчающійся впервые въ сербскихъ рукописяхъ съ конца XIV столѣтія.

Старый переводъ, сдѣланный въ самомъ концѣ X-го или въ первой половинѣ XI-го вѣка у южныхъ славянъ въ Болгаріи или, можетъ быть, на Аѳонѣ, а отсюда перешедшій въ Россію, сохранился преимущественно въ многочисленныхъ рукописяхъ древне-русской письменности и въ немногихъ памятникахъ древне-болгарскихъ и древне-сербскихъ. Съ конца XIV вѣка встрѣчаются минеи сербскаго письма, представляющія новый переводъ текста каноновъ и стихиръ, несравненно исправнѣе стараго. Этотъ переводъ въ теченіе XV и XVI столѣтій распространился по Славянскому Югу и по Россіи. У насъ онъ, незначительно измѣненный подъ вліяніемъ стараго перевода, попалъ въ старопечатныя минеи и съ нѣкоторыми поправками продолжаетъ свое существованіе до настоящаго времени.

Кромѣ изданія текста служебныхъ миней, составляющаго первый томъ «Памятниковъ древне-русскаго языка», Отдѣленіе дало мѣсто въ своемъ Сборникѣ весьма тщательной работѣ г. Пѣтухова, который приготовилъ къ изданію девять древнихъ поученій на воскресные дни Великаго поста, снабдивъ текстъ ихъ введеніемъ и нѣкоторыми замѣчаніями о фонетическихъ, морфологическихъ и лексическихъ особенностяхъ ихъ языка. Эти поученія, входящія большею частію въ составъ церковно-поучительныхъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Златоустовъ, но иногда являющіяся соединенными въ отдѣльную группу, составляютъ не переводъ съ греческаго языка, но самостоятельныя произведенія неизвѣстнаго славянскаго проповѣдника, который, по мнѣнію однихъ ученыхъ, жилъ въ Болгаріи въ первыя времена водворенія тамъ христіанства, а по мнѣнію другихъ — въ Россіи, когда въ ней только что началъ распространяться свѣтъ Христова ученія.

По предложенію академика Ягича и подъ его редакціею Отдѣленіе приступило къ изданію изслѣдованій по русскому языку, которыя представляются въ него посторонними учеными. Въ первый томъ этого сборника вошли: Изслѣдованіе о языкѣ Остромирова евангелія, М. Козловскаго, и Изслѣдованіе о языкѣ

новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка, А. Шахматова; въ концѣ послѣдняго труда помѣщены 20 новгородскихъ договорныхъ грамотъ, напечатанныхъ по подлинникамъ съ дипломатическою точностью.

Въ истекающемъ году подъ редакціею академика М. И. Сухомлинова вышли въ свѣтъ два тома, 2-й и 3-й, Матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Это изданіе, возникшее по мысли нынѣшняго президента Академіи Наукъ, графа Д. А. Толстого, который при своихъ ученыхъ трудахъ лично убѣдился въ важности матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ Академіи, является драгоцѣннымъ источникомъ не только для исторіи высшаго ученаго учрежденія, обязаннаго своимъ созданіемъ великому Петру, но и вообще для исторіи отечественнаго просвѣщенія. Благодаря обнародованію этихъ матеріаловъ раскрывается академическая жизнь въ ея истинномъ видѣ, сообщаются важныя данныя о научной дѣятельности академіи, о распространеніи знаній въ Россіи черезъ посредство академическихъ университета и гимназіи и публичныхъ лекцій; передаются подробныя свѣдѣнія объ академикахъ и ихъ трудахъ; рисуется характеристическими чертами картина быта и нравовъ тогдашняго русскаго общества и учащагося юношества. Въ подтвержденіе этого приведу нѣсколько фактовъ. Въ 1733 году была снаряжена отъ Академіи Наукъ экспедиція въ Камчатку, членами которой были назначены академики Гмелинъ, Делиль-де-ла-Кроіеръ и Миллеръ. Въ изданныхъ томахъ напечатаны два ихъ рапорта въ Сенатъ, одинъ изъ Твери, другой изъ Казани. Почти съ перваго шага академики начали ученыя изысканія. «Докторъ Гмелинъ—говорится въ донесеніи—имѣлъ способный случай, гуляючи подлѣ колясокъ и по берегу рѣки Волхова, въ ботаникѣ разныя обсерваціи дѣлать. Онъ нашелъ за потребно не только новыя или незнаемыя травы и дерева записывать, но и всѣмъ уже извѣстнымъ, которыя онъ нашелъ, реестръ сочинить, и тѣ мѣста порознь замѣчать, гдѣ какая трава или дерево найдено, дабы такимъ способомъ всѣмъ въ Россіи находящимся травамъ

и деревамъ со временемъ полный реестръ собрать возможно было». Профессоръ Делиль-де-ла-Кроіеръ уже съ Новгорода «имѣлъ тщаніе, сколько время и случай до того допустилъ, въ учиненіи разныхъ астрономическихъ и магнитныхъ обсервацій». Миллеръ осматривалъ церкви и монастыри, отыскивалъ документы и рукописи историческаго содержанія, списывалъ надгробныя надписи, разспрашивалъ мѣстныхъ жителей о преданіяхъ и достопамятныхъ вещахъ, приказывалъ снимать планы и виды городовъ Но на первыхъ же порахъ экспедиція начала встрѣчать затрудненія разнаго рода. Когда академики положили изслѣдовать курганы, лежащіе около Бронницкой горы, то сначала имъ было отказано въ работникахъ, а когда по указу они ихъ получили и начали копать пригорки, то на слѣдующій день эти работники ушли и академики «никакихъ больше получить не могли». Въ Твери живописцу не удалось снять генеральнаго проспекта, такъ какъ онъ «отъ поповъ одной церкви, съ которой онъ проспектъ рисовать хотѣлъ, на тамошній штапный дворъ подъ караулъ отданъ былъ, для того что они въ томъ на него подозрѣніе возымѣли». Самому Миллеру въ Ярославлѣ священники соборной церкви Успенія Пресвятой Богородицы не дозволили снять надписи, имѣвшіяся на гробницахъ почивающихъ въ этомъ храмѣ блаженныхъ князей Василія и Константина, «и хотя профессоръ Миллеръ имъ сказывалъ, что ему, по силѣ даннаго изъ высокоправительствующаго Сената публичнаго указа, который онъ имъ показать хотѣлъ, во всемъ государствѣ историческія изслѣдованія чинить велѣно, но однакожъ сіе ничего не помогло». Любопытна также записка академика Делиля, читанная имъ въ засѣданіи Академіи Наукъ 31 марта 1737 года, носящая заглавіе: «Первыя операціи мѣрянія земли въ Россіи, содержащія дѣйствительную мѣру базиса, вымѣряннаго на льду между Петергофомъ и Дубками», и «Роспись всѣмъ потребнымъ вещамъ и людямъ къ мѣрянію земли въ Россіи и къ операціямъ, касающимся до исправленія географическихъ ландкартъ во всей Имперіи». Съ этимъ предложеніемъ имѣетъ тѣсную связь и другое предло-

женіе Делиля о необходимости составить географическій словарь Россійской Имперіи и странъ, къ ней прилежащихъ, на сколько онѣ имѣютъ отношеніе къ Россіи.

Для исторіи художествъ въ Россіи изданные матеріалы представляютъ богатыя и интересныя данныя. 7-го сентября 1733 года была созвана чрезвычайная конференція Академіи Наукъ, на которой, между прочимъ, для разрѣшенія былъ поставленъ вопросъ: потребна ли Академія Художествъ при Академіи Наукъ, или нѣтъ, и въ чемъ она государству полезна быть можетъ. Отвѣтъ последовалъ положительный. Профессоръ Байеръ между прочимъ доказывалъ, что «Академія Художествъ здѣшней Академіи Наукъ зѣло надобна есть, поелику живописное искусство къ произведенію въ физикѣ, анатоміи и древностяхъ случающихся вещей и прочаго употреблено быть можетъ». Много свѣдѣній разсѣяно въ Матеріалахъ о занятіяхъ и содержаніи академиковъ. Такъ, знаменитый Ейлеръ, профессоръ «вышней математики», въ 1737 году получалъ въ годъ жалованья 660 рублей; онъ—какъ говорится въ Матеріалахъ — сочиняетъ высокія и остроумныя математическія вещи, которыя, по прочтеніи въ конференціи, издаются въ печать; трудится съ другими въ сочиненіи географіи Россійскаго государства и дѣлаетъ партикулярныя карты, какія только нынѣ по тому примѣру сдѣлать можно; пишетъ вторую часть Ариѳметики для гимназіи, и начатые свои труды о статикѣ и анализѣ инфин. уповаетъ на будущій годъ совсѣмъ окончить; потомъ имѣетъ давать публичныя лекціи о вышней математикѣ и надъ Примѣчаніями къ Вѣдомостямъ трудиться.

Тредіаковскій, при приглашеніи въ 1733 году графомъ Кейзерлингомъ въ Академію Наукъ, обязывался совершенствовать русскій языкъ какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, окончить начатую имъ грамматику, трудиться вмѣстѣ съ другими надъ словаремъ русскаго языка и переводить съ французскаго и латинскаго языковъ все, что ему будетъ предложено, и на основаніи этого въ 1735 году ему, уже бывшему секретаремъ Академіи Наукъ, приказано потребовать „отъ комедіановъ ди-

ректора Аволія нѣсколько комедіевъ и интермедіевъ для переводу заблаговременно".

Положительно можно сказать, что до сихъ поръ не было предоставлено изслѣдователямъ такого богатаго сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія Россіи.

Сверхъ изданія этого сборника академикъ Сухомлиновъ продолжалъ составленіе Исторіи Россійской Академіи, труда въ высшей степени любопытнаго по количеству новыхъ свѣдѣній, имъ сообщаемыхъ. Въ настоящее время онъ печатаетъ VIII-й и послѣдній томъ этой Исторіи, въ которой выдающееся мѣсто займутъ мнѣнія и споры академиковъ о способѣ составленія и изданія словаря русскаго языка. Кромѣ того въ Историческомъ Вѣстникѣ имъ помѣщена статья: «Н. А. Полевой и его журналъ Московскій Телеграфъ», въ которой разсказано о началѣ этого повременнаго изданія, обязаннаго своимъ возникновеніемъ настоятельнымъ убѣжденіямъ графа Віельгорскаго и князя П. А. Вяземскаго, о томъ вліяніи, которое имѣлъ на современное общество этотъ журналъ, и о невзгодахъ, его постигшихъ съ назначеніемъ С. С. Уварова министромъ народнаго просвѣщенія, послѣдствіемъ которыхъ было его запрещеніе.

Академикъ А. Н. Веселовскій и въ нынѣшнемъ году продолжалъ свои изслѣдованія въ области средневѣковой поэзіи. Онъ напечаталъ первый выпускъ матеріаловъ и изслѣдованій изъ исторіи романа и повѣсти. Выпускъ этотъ посвященъ роману и повѣсти греко-византійскаго періода, который только что сталъ предметомъ изученія ученыхъ. Указать, какіе элементы греческаго романа, возникшаго тогда, когда языческая культура уже начинала разлагаться, нашли мѣсто въ небольшой группѣ памятниковъ, которую г. Веселовскій позволилъ себѣ объеденить подъ названіемъ романа христіанскаго, и какимъ измѣненіямъ они подверглись вслѣдствіе противоположности двухъ міровоззрѣній— предметъ въ высокой степени занимательный, и нашему сочлену, обладающему богатымъ запасомъ данныхъ, удалось сдѣлать остроумныя сближенія, ввести въ науку нѣкоторые новые факты. Такъ

называемыя Климентины—бесѣды, написанныя Климентомъ Римскимъ, Житіе Ксантиппы, Поликсены и Ревекки, эпизодъ о Таврѣ и Меніи, находящійся въ апокрифическомъ житіи св. Панкратія, доставили богатый матеріалъ, чтобы наглядно показать, какимъ образомъ совершалось превращеніе греческаго романа въ христіанскій и въ чемъ заключались главныя черты ихъ различія, такъ какъ христіанство произвело огромный переворотъ какъ въ отношеніи религіозномъ и нравственномъ, такъ и въ бытовомъ. Самое обширное мѣсто въ этомъ выпускѣ отведено статьѣ, озаглавленной: „Къ вопросу объ источникахъ Сербской Александріи". Романъ объ Александрѣ Великомъ, самое распространенное произведеніе какъ на Востокѣ до предѣловъ Средней Азіи, такъ и на всемъ Западѣ, существуетъ въ весьма многихъ редакціяхъ, появленіе которыхъ было обусловлено и различными вліяніями, и различными преданіями, создававшимися въ той или другой мѣстности. Изученіе и сопоставленіе изданныхъ редакцій уже дало много любопытныхъ выводовъ и указало какъ на происхожденіе, такъ и на степень родства между собою этихъ редакцій. Внимательное разсмотрѣніе двухъ сербскихъ редакцій Александріи указало на существованіе неизвѣстнаго или доселѣ неоткрытаго латинскаго или романскаго прототипа текста, изъ котораго была заимствована Сербская Александрія. Подробный пересмотръ содержанія этого произведенія по сербскимъ изводамъ далъ г. Веселовскому возможность представить цѣлый рядъ любопытныхъ изслѣдованій, въ которыя онъ ввелъ, частію для объясненія, частію для сравненія, очень много возникшихъ въ Средніе вѣка баснословныхъ поэтическихъ разсказовъ.

Тому же академику принадлежатъ статьи: Былина о Садкѣ, Замѣтки къ исторіи апокрифовъ и разборъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія новыхъ книгъ по народной словесности, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Академикъ Ѳ. И. Буслаевъ издалъ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Мои досуги", собранныя имъ изъ разныхъ повременныхъ изданій мелкія свои сочиненія, относящіяся къ литера-

турѣ и искусству. Многія изъ нихъ, какъ напр. Женскіе типы въ изваяніяхъ греческихъ богинь, Иллюстрація стихотвореній Державина, Задачи эстетической критики, Погодинъ какъ профессоръ и др., не смотря на то, что отъ времени перваго ихъ появленія прошло много лѣтъ, нисколько не потеряли ни своего значенія, ни своей свѣжести, и нельзя не поблагодарить высокоуважаемаго автора за мысль соединить ихъ въ одинъ сборникъ. Въ настоящее время по желанію Отдѣленія нашъ заслуженный академикъ приступилъ къ перепечатанію тѣхъ своихъ сочиненій, появлявшихся въ разныхъ изданіяхъ, которыя какъ бы составляютъ продолженіе его капитальнаго труда, носящаго заглавіе: «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства».

Академикъ Бычковъ продолжалъ печатаніе писемъ и бумагъ Императора Петра Великаго; подъ его наблюденіемъ оконченъ печатаніемъ первый томъ Бѣлорусскаго сборника, составленнаго нашимъ извѣстнымъ этнографомъ и собирателемъ памятниковъ народнаго творчества П. В. Шейномъ; помѣстилъ въ повременныхъ изданіяхъ воспоминанія объ академикѣ Н. В. Калачовѣ и членѣ-корреспондентѣ Академіи П. А. Лавровскомъ.

Отдѣленіе не оставляло также безъ вниманія исторіи и литературы славянскихъ племенъ. Оно окончило печатаніемъ, подъ наблюденіемъ академика Ягича, доселѣ остававшееся въ рукописи сочиненіе Хельчицкаго, на древне-чешскомъ языкѣ: «Сѣть вѣры», съ переводомъ его на русскій языкъ, исполненнымъ покойнымъ Ю. С. Анненковымъ, и приступило къ печатанію географическаго и этнографическаго описанія Черногоріи, любопытнаго и важнаго сочиненія, принадлежащаго перу П. А. Ровинскаго, нѣсколько лѣтъ жившаго въ Черногоріи и исходившаго эту страну вдоль и поперекъ, и собранной академикомъ Ягичемъ переписки съ разными лицами извѣстныхъ славистовъ, которая составитъ продолженіе къ письмамъ Добровскаго и Копитара, изданнымъ тѣмъ же академикомъ. Важное значеніе послѣднихъ, какъ рисующихъ въ живой картинѣ научное дви-

женіе въ нынѣшнемъ столѣтіи среди славянскихъ племенъ, признано всѣми учеными.

Въ истекающемъ году Отдѣленіе, по обсужденіи рецензій на сочиненія, представленныя къ соисканію Пушкинскихъ премій, удостоило половинныхъ премій: переводъ С. А. Юрьева трагедіи Шекспира «Макбетъ», переводы Н. П. Семенова изъ Мицкевича, и стихотворенія г. Надсона. Рецензія на сборникъ стихотвореній г. Надсона написана академикомъ Гротомъ, а на переводъ Макбета академикомъ А. Н. Веселовскимъ. Профессору Варшавскаго университета Ѳ. Ф. Вержбовскому, обстоятельно разсмотрѣвшему переводы г. Семенова изъ Мицкевича, присуждена золотая Пушкинская медаль.

Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія приходится съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія окончить заявленіемъ, что со второй половины истекающаго года въ его засѣданіяхъ уже болѣе не принимаетъ участія академикъ Ягичъ, приглашенный на каѳедру славянской филологіи въ Вѣнскій университетъ. Его обширная ученость, многостороннія знанія и неутомимая дѣятельность во многихъ случаяхъ были очень полезны Отдѣленію, и, въ виду предпринятыхъ имъ изданій, отсутствіе изъ Петербурга академика Ягича нельзя не признать чувствительною потерею для Отдѣленія; впрочемъ, оно надѣется, что г. Ягичъ, сохраняя званіе академика, не порветъ съ Академіею ни нравственной, ни ученой связи и что его имя по прежнему будетъ часто являться въ изданіяхъ Отдѣленія.

Въ 1886 году внезапная смерть прекратила полезную дѣятельность въ области науки и отечественной литературы двухъ членовъ-корреспондентовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности: П. А. Лавровскаго, скончавшагося 28 февраля въ Петербургѣ, и А. Н. Островскаго, умершаго 2 іюня въ своемъ имѣніи Шелыковѣ, близъ города Кинешмы Костромской губерніи.

П. А. Лавровскій родился 13 марта 1827 года Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи въ с. Выдропускѣ, при церкви котораго отецъ его былъ протоіереемъ. Получивъ начальное образованіе въ Тверскомъ и Новоторжскомъ духовныхъ училищахъ, онъ окончилъ его въ 1851 году въ Главномъ педагогическомъ институтѣ съ золотою медалью. Еще будучи студентомъ, онъ написалъ нѣсколько ученыхъ изслѣдованій, и одно изъ нихъ «О Реймскомъ евангеліи» было напечатано и удостоилось похвальнаго отзыва со стороны ветерана славянскаго языковѣдѣнія А. Х. Востокова, который нашелъ въ молодомъ авторѣ «большую способность къ филологическимъ упражненіямъ».

Черезъ мѣсяцъ по окончаніи курса, Лавровскій былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ въ Харьковскій университетъ на каѳедру славянскихъ нарѣчій по указанію своего профессора И. И. Срезневскаго, котораго надежды даровитый молодой ученый вполнѣ оправдалъ. Въ Харьковѣ Лавровскій началъ читать обширный курсъ по славяновѣдѣнію и съ каждымъ годомъ пополнялъ его и совершенствовалъ. Чтеніе лекцій не помѣшало Петру Алексѣевичу написать два сочиненія для полученія ученыхъ степеней магистра и доктора: «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» и «Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской». Оба эти сочиненія, весьма замѣчательныя для своего времени, не утратили еще и теперь своего значенія. Въ 1856 году Лавровскій былъ командированъ въ Петербургъ для ознакомленія съ древне-славянскою письменностію, преимущественно русской редакціи, и результатомъ этой командировки было превосходное Описаніе семи рукописей Императорской Публичной Библіотеки, въ которомъ находится много любопытныхъ историческихъ и палеографическихъ замѣтокъ. Въ 1859 году, послѣ семилѣтняго профессорства, Лавровскій былъ отправленъ въ славянскія земли. Въ продолженіе почти двухгодоваго пребыванія за границею онъ пріобрѣлъ богатый запасъ знаній, лично обслѣдовалъ и изучилъ не мало письменныхъ памятниковъ, свелъ знакомство со многими выдающимися славянскими дѣятелями въ наукѣ и лите-

ратурѣ, и напечаталъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ рядъ статей, обратившихъ на себя вниманіе трезвымъ взглядомъ на отношеніе славянъ къ Россіи и между собою. Вскорѣ по возвращеніи изъ за границы Лавровскій напечаталъ свой обширный трудъ: «Кириллъ и Меѳодій какъ славянскіе проповѣдники у западныхъ славянъ», удостоенный Академіею Наукъ Уваровскою преміею. Этотъ трудъ пролилъ много свѣта на дѣятельность славянскихъ первоучителей и въ обширной литературѣ о нихъ занимаетъ выдающееся мѣсто по богатству собранныхъ матеріаловъ и по строгой историко-критической методѣ, употребленной при ихъ разработкѣ. Нѣсколько предположеній, высказанныхъ Лавровскимъ въ этомъ сочиненіи, блистательно подтвердились позднѣйшими открытіями.

Въ 1869 году Лавровскій былъ приглашенъ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ на должность ректора во вновь созданный Варшавскій университетъ, должность чрезвычайно важную, такъ какъ правительство надѣялось путемъ науки положить начало сближенію поляковъ съ русскими. Петръ Алексѣевичъ оказался на высотѣ этой сложной и трудной задачи. Подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ, при его энергіи и любви къ дѣлу, при его неуклонномъ стремленіи достигнуть намѣченной однажды цѣли, несмотря ни на какія преграды и препятствія, полагавшіяся извнѣ, университетъ началъ становиться мало по малу русскимъ, и въ варшавскомъ обществѣ уже появилось сочувствіе къ этому разсаднику высшаго образованія въ краѣ.

Я не буду распространяться ни о дальнѣйшей дѣятельности П. А. Лавровскаго, какъ ректора Варшавскаго университета, ни о томъ, что совершено имъ во время, когда онъ послѣдовательно былъ попечителемъ Оренбургскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ; скажу только, что, не смотря на кипучую административную дѣятельность, онъ продолжалъ заниматься учеными изслѣдованіями и удѣлялъ часы отдыха на составленіе Русско-сербскаго словаря, который былъ напечатанъ въ 1880 году.

часть сербско-русская была издана Академіею за десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1870 году. Усиленныя занятія и климатъ Одессы вредно повліяли на здоровье Лавровскаго, и онъ рѣшился оставить службу. Деревенскій отдыхъ, не смущаемый служебными заботами и тревогами, настолько поправилъ здоровье Петра Алексѣевича, что онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода въ отставку принялъ приглашеніе поступить снова на службу членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Новая должность, не требовавшая постоянныхъ срочныхъ занятій, дала ему возможность опять отдаться изученію вопроса о жизни первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, занимавшаго четверть вѣка его пытливый умъ, и результатомъ этого была между прочимъ любопытная статья, напечатанная ко времени празднованія тысячелѣтія ото дня кончины св. Меѳодія: «Былъ ли св. Кириллъ Солунскій епископомъ?» Послѣднимъ трудомъ Лавровскаго, оконченнымъ за недѣлю до его смерти, былъ слѣдующій: «Итальянская легенда. Критическій обзоръ изслѣдованій и мнѣній о ней; значеніе ея для исторіи жизни и дѣятельности славянскихъ первоучителей». Въ этой обширной статьѣ заключается много новыхъ соображеній, которыя должны принять во вниманіе тѣ, которые смотрятъ на италіанскую легенду какъ на первоисточникъ. Не мало потрудился Лавровскій какъ для науки, всегда бывшей близкою его сердцу, такъ и въ дѣлѣ учебной администраціи; и тамъ и здѣсь онъ оставилъ плоды своей дѣятельности, всегда ратуя за истину, всегда честно и мужественно защищая интересы отечества.

Александръ Николаевичъ Островскій, по происхожденію принадлежавшій къ небогатой дворянской семьѣ Костромской губерніи, родился въ Москвѣ, 30 марта 1822 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ 1-й Московской гимназіи, откуда поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго универ-

ситета, но по обстоятельствамъ долженъ былъ его оставить, не окончивъ курса. Еще будучи гимназистомъ, онъ любилъ театръ, часто посѣщалъ его и въ живомъ пересказѣ сообщалъ товарищамъ содержаніе видѣнныхъ имъ пьесъ. Живя съ дѣтства въ Замоскворѣчьѣ, среди русскаго кореннаго купечества, Александръ Николаевичъ ознакомился съ его бытомъ, подмѣтилъ мельчайшія особенности этой замкнутой среды, ея нравы и обычаи, своеобразный способъ выраженія. Служба въ Московскомъ коммерческомъ судѣ, куда онъ опредѣлился въ 1843 году и откуда вскорѣ онъ вышелъ, дала также богатый матеріалъ его наблюдательному уму для изученія этого сословія. Первое литературное произведеніе Островскаго, содержаніе котораго было взято изъ купеческаго быта, явилось въ 1847 году въ Московскомъ городскомъ листкѣ. Оно носило заглавіе: «Картина семейнаго счастія» и по проблескамъ несомнѣннаго таланта, по неприкрашенной правдѣ, по живому языку съ большимъ удовольствіемъ было читаемо въ Москвѣ; литературная критика однако прошла молчаніемъ это произведеніе, точно такъ же, какъ и помѣщенныя въ томъ же Листкѣ нѣсколько сценъ изъ комедіи: «Свои люди сочтемся». На самыхъ первыхъ порахъ самостоятельной жизни Островскій встрѣтился съ нуждою: она заставляла его усиленно трудиться за самое ничтожное вознагражденіе. Такъ за 15 рублей въ мѣсяцъ онъ держалъ въ журналѣ Погодина «Москвитянинъ» корректуру, составлялъ для него мелкія статьи, занимался въ редакціи перепиской. «Это было тяжелое время», какъ говорилъ впослѣдствіи самъ Островскій своему гимназическому товарищу Ѳ. А. Бурдину. Въ 1850 году въ этомъ же «Москвитянинѣ» была напечатана въ полномъ видѣ его комедія: «Свои люди сочтемся». Она сразу поставила имя Островскаго въ рядъ крупныхъ самостоятельныхъ дарованій: въ ней кромѣ художественной разработки общественной задачи было видно глубокое знакомство съ строемъ и бытомъ русской жизни. Комедія была читаема наперерывъ въ гостиныхъ московскаго общества, гдѣ вызывала одобреніе и восторженныя по-

хвалы, но не понравилась купцамъ, и жалоба ихъ московскому генералъ-губернатору графу Закревскому имѣла послѣдствіемъ отдачу автора подъ надзоръ полиціи. Впослѣдствіи тѣ же купцы говаривали Островскому: «Правду горькую про насъ пишешь, не корить, а благодарить тебя должны мы за эту правду! Мы народъ темный, учить насъ надо!» Много лѣтъ прошло, прежде чѣмъ эта комедія появилась на сценѣ, и ея постановка была дозволена только подъ условіемъ, чтобы авторъ измѣнилъ окончаніе пьесы, и такимъ образомъ характерное обращеніе Подхалюзина къ публикѣ, приглашавшаго ее пожаловать въ его магазинчикъ, гдѣ и ребенокъ не будетъ обочтенъ, Островскій долженъ былъ замѣнить появленіемъ квартальнаго, карающаго плутоватаго прикащика.

За этою комедіею, въ теченіе восьми лѣтъ, слѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ, содержаніе которыхъ было взято изъ того же купеческаго быта и которыя упрочили за Островскимъ извѣстность высокодаровитаго писателя и присвоили ему названіе творца бытовой драмы. Пьесы эти были слѣдующія: «Не въ свои сани не садись» (1853), «Бѣдность не порокъ» (1854), «Не такъ живи, какъ хочется» (1854), «Въ чужомъ пиру похмѣлье» (1856). Позднѣе, изъ того же быта Островскій взялъ содержаніе для «Грозы» (1860), для «Горячаго сердца» (1869) и др. — Я увѣренъ, что всѣ мною перечисленныя и многія другія пьесы пробуждаютъ, при одномъ ихъ названіи, въ вашихъ воспоминаніяхъ, м.м. г.г., то высокое эстетическое наслажденіе, которое вы имѣли при ихъ чтеніи или которое вы выносили изъ театральной залы, гдѣ онѣ были разыгрываемы. Безъ сомнѣнія, не разъ во время представленія вы жили жизнью дѣйствующихъ лицъ, и ихъ художественно-созданные образы, вѣроятно, вызывали въ васъ попеременно то негодованіе, то состраданіе, то презрѣніе, то любовь къ нимъ. Въ этомъ и заключается чарующая сила драматическаго писателя. Въ пьесахъ Островскаго, особенно принадлежащихъ къ первому періоду его литературной дѣятельности, всѣ дѣйствующія лица живыя, а не измышленныя, съ характе-

ромъ дѣйствительнымъ, всѣ онѣ были творчески возсозданы, а не сочинены.

Первою пьесою Островскаго, игранною на сценѣ, была комедія «Не въ свои сани не садись»; до этого времени комедій Островскаго не дозволяли ставить на казенной сценѣ. Одинъ изъ даровитыхъ и любимыхъ публикою писателей 1840—1850 годовъ, А. В. Дружининъ, писалъ по поводу произведеній Островскаго: «День, въ который намъ удастся увидать первую комедію Островскаго на нашей сценѣ, будетъ днемъ памятнымъ для всякаго русскаго человѣка. Огромный сценическій успѣхъ выпадетъ на долю комедіи, и она останется на театрѣ до той поры, пока русскій языкъ будетъ существовать на свѣтѣ»— и слова его оправдались.

Съ 1862 года начинаютъ появляться историческія драмы или хроники Островскаго. Страшное время казней при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ и картина начавшагося нравственнаго разложенія при дворѣ изображены въ драмѣ «Василиса Мелентьева» (1862). Историческій моментъ, пережитый населеніемъ Россіи, потребовавшимъ исконной царской власти и порядка, изображенъ Островскимъ въ драмѣ «Косьма Захарьичъ Мининъ Сухорукъ» (1862). Какъ произведеніе проникнутое истиннымъ патріотизмомъ, оно было представлено министромъ народнаго просвѣщенія Головнинымъ Государю Императору. Его Величество пожаловалъ автору брильянтовый перстень, но, не смотря на эту награду, театральная цензура запретила давать эту пьесу, находя представленіе ея на сценѣ несвоевременнымъ. Тщательное изученіе эпохи смутнаго времени на Руси видно въ двухъ пьесахъ, написанныхъ въ одинъ 1867 годъ: «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій» и «Тушино»; въ нихъ Александръ Николаевичъ вывелъ цѣлый рядъ любопытныхъ типовъ этого времени и притомъ исторически вѣрныхъ.

Ко всѣмъ этимъ пьесамъ, не смотря на ихъ прекрасную стихотворную форму и многія поэтическія мѣста, критика отнеслась холодно, быть можетъ, даже слишкомъ строго; театральное на-

чальство дѣлало всевозможныя затрудненія къ ихъ постановкѣ на сцену, такъ что Островскому нерѣдко приходило въ голову, не наступила ли уже для него пора бросить писать для театра. Въ одномъ изъ писемъ къ Бурдину, относящемся къ 1866 году, видно, какъ, при сознаніи своего таланта, Островскій глубоко страдалъ отъ нравственныхъ оскорбленій, ему наносимыхъ. Позволяю себѣ привести цѣликомъ отрывокъ изъ этого письма, помѣщенный г. Бурдинымъ въ своихъ воспоминаніяхъ о нашемъ замѣчательномъ драматургѣ, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ Европы.

«Объявляю тебѣ — писалъ Александръ Николаевичъ своему школьному товарищу, — что я совсѣмъ оставляю театральное поприще. Причины вотъ какія: выгодъ отъ театра я почти не имѣю, хотя всѣ театры въ Россіи живутъ моимъ репертуаромъ. Начальство театральное ко мнѣ не благоволитъ, а мнѣ уже пора видѣть не только благоволеніе, но и нѣкоторое уваженіе; безъ хлопотъ и поклоновъ съ моей стороны ничего для меня не дѣлается, а ты самъ знаешь, способенъ ли я къ низкопоклонству; при моемъ положеніи въ литературѣ, играть роль вѣчно кланяющагося просителя тяжело и унизительно. Я замѣтно старѣю и постоянно нездоровъ, а потому ѣздить въ Петербургъ, ходить по высокимъ лѣстницамъ, мнѣ ужъ нельзя. Повѣрь, что я буду имѣть гораздо больше уваженія, которое я заслужилъ и котораго стою, если развяжусь съ театромъ. Давши театру 25 оригинальныхъ пьесъ, я не добился, чтобы меня хоть мало отличали отъ какого-нибудь плохого переводчика. По крайней мѣрѣ, я пріобрѣту себѣ спокойствіе и независимость вмѣсто хлопотъ и униженія. Современныхъ пьесъ больше писать не стану; я ужъ давно занимаюсь русской исторіей и хочу посвятить себя исключительно ей; буду писать хроники, но не для театра. На вопросъ: отчего я не ставлю своихъ пьесъ, я буду отвѣчать, что онѣ неудобны. Я беру форму «Бориса Годунова», такимъ образомъ постепенно и незамѣтно я отстану отъ театра . . . . .»

Къ счастію, это намѣреніе не было приведено Островскимъ въ исполненіе; сочиненіе историческихъ хроникъ остано-

вилось на вышеназванныхъ пьесахъ, и онъ вернулся къ бытовымъ комедіямъ. Почти одновременно съ пьесами, содержаніе которыхъ взято изъ купеческой среды, Островскій началъ писать пьесы, дѣйствіе которыхъ совершается въ другой сферѣ и въ которыхъ дѣйствующими лицами являются дворяне и чиновники, послѣдніе въ разнообразіи тѣхъ типовъ, которые мы встрѣчаемъ на многочисленныхъ ступеняхъ бюрократической лѣстницы. Къ этому отдѣлу относятся: «Бѣдная невѣста» (1852), «Доходное мѣсто» (1856), «Воспитанница» (1859), «На всякаго мудреца довольно простоты» (1868), «Бѣшенныя деньги» (1870), «Лѣсъ» (1871) и др. И въ этихъ пьесахъ также встрѣчаются художественно созданные характеры, лица, возбуждающія къ себѣ сочувствіе благородными, высокими стремленіями, такъ рѣзко противорѣчащими господствующимъ въ томъ обществѣ, въ которомъ они дѣйствуютъ, умственнымъ и нравственнымъ воззрѣніямъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Островскій постоянно подносилъ публикѣ, въ видѣ новогодняго подарка, по пьесѣ; иногда выходило изъ подъ его пера по двѣ и по три пьесы въ годъ. «Я только и дѣлаю—отвѣчалъ онъ М. И. Семевскому на просьбу написать свои воспоминанія—что или работаю для театра, или обдумываю и обдѣлываю сюжеты впередъ, въ постоянномъ страхѣ остаться къ сезону безъ новыхъ пьесъ, то есть безъ хлѣба, съ огромной семьей». Этими словами объясняется необыкновенная литературная плодовитость Островскаго, оставившаго, кромѣ оригинальныхъ пьесъ, цѣлый томъ переводовъ изъ Шекспира, Кальдерона, италіанскихъ и французскихъ драматурговъ.

Въ чемъ же состоитъ художественное достоинство произведеній Островскаго? Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе простота и правда сюжета; необыкновенная живость драматическаго движенія; опредѣленность разнообразныхъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, такъ что имена нѣкоторыхъ перешли уже въ нарицательныя; глубокій анализъ души человѣческой; изумительно тонкія черты, съ художественною чуткостію подмѣ-

ченныя и воспроизведенныя въ женскихъ дѣйствующихъ лицахъ; какая то любовность, добродушіе и мягкость, проходящія чрезъ всѣ пьесы и находящіяся въ полной зависимосси отъ личнаго характера Островскаго; наконецъ, живой и правдивый языкъ, которымъ говорятъ дѣйствующія лица, напомннающій во многихъ случаяхъ складъ народной рѣчи, съ ея особенными выраженіями и своеобразными словами, сборникъ которыхъ покойный Александръ Николаевичъ вызывался доставить Отдѣленію, но не успѣлъ исполнить обѣщанія. Въ европейскихъ литературахъ не много найдется произведеній, которыя могутъ быть поставлены рядомъ съ «Грозою». Исполненный драматизма сюжетъ, свѣтлая, чистая идея, положенная въ основу сочиненія, художественная отдѣлка подробностей, законченность въ цѣломъ, строго выдержанные характеры дѣйствующихъ лицъ и поэтическая личность Катерины — все это въ совокупности ставитъ «Грозу» въ рядъ первоклассныхъ драматическихъ пьесъ. Такими же достоинствами отличается и комедія Островскаго «Воспитанница». Даже этихъ двухъ произведеній было бы достаточно, чтобы навсегда сохранилось въ потомствѣ имя ихъ автора. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что произведенія Островскаго по заключающимся въ нихъ нравственнымъ идеямъ могутъ воспитывать общество и вести его къ добру и истинѣ.

Никто не будетъ спорить, что не всѣ произведенія Островскаго равнаго достоинства, что написанныя въ первые годы его творческой дѣятельности значительно выше явившихся въ послѣднее время, но тѣмъ не менѣе и въ нихъ весьма часто проявляется мощный талантъ покойнаго драматурга, такъ что они, при многихъ недостаткахъ, стоятъ несравненно выше произведеній другихъ нашихъ драматическихъ писателей. Впрочемъ вѣрнѣе и безпристрастнѣе оцѣнитъ Островскаго грядущее поколѣніе; оно укажетъ и выдающіяся и слабыя стороны его таланта; мы же можемъ сознательно заявить, что во всякомъ случаѣ имя Александра Николаевича никогда не забудется въ исторіи русской литературы и театра; оно по справедливости будетъ стоять

рядомъ съ именами Фонвизина, Грибоѣдова и Гоголя, и въ произведеніяхъ этихъ четырехъ писателей, какъ въ живой лѣтописи взглядовъ и понятій извѣстнаго времени и извѣстнаго слоя общества, будущій изслѣдователь нашего внутренняго домашняго быта найдетъ для себя драгоцѣнный матеріалъ.

Академія Наукъ дважды признавала несомнѣнныя достоинства произведеній Островскаго и увѣнчала «Грозу» и «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» Уваровскою преміею; литература въ лицѣ своихъ представителей въ 1872 году въ Петербургѣ праздновала 25-ти лѣтній юбилей его дѣятельности; наконецъ, назначеніе Островскаго въ началѣ истекающаго года завѣдывающимъ репертуаромъ Императорскихъ Московскихъ театровъ и директоромъ театральной школы и высочайше дарованная ему пожизненная пенсія за его заслуги на поприщѣ литературы заставили его позабыть и жизненныя невзгоды, и холодное отношеніе театральнаго управленія, и цензурныя запрещенія. Съ высоты царскаго престола послѣдовало одобреніе его честному, безкорыстному служенію русской литературѣ, и на страницы ея исторіи съ благоговѣйною благодарностью впишется этотъ фактъ державнаго поощренія отечественному слову.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

ВЪ XLI ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Римская цыфра означаетъ нумеръ статьи; арабскія же цыфры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера.

Вороновъ, А. С. Его сочиненіе «Өедоръ Ивановичъ Янковичь-де-Миріево, или народныя училища въ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II». II. 87. 89.

Воронцовъ, графъ С. Р. Письмо къ нему Безбородко по поводу открытія народныхъ школъ. См. **Безбородко.**

Востоковъ. А. Х. Отзывъ его объ изслѣдованіи П. А. Лавровскаго о Реймскомъ евангеліи. См. **Реймское евангеліе.**

Врончеико. Перевелъ на русскій языкъ трагедію Шекспира «Макбетъ» (1837 г.). I. 2.

Всемірная исторія, изданная для народныхъ училищъ. Содержаніе ея. II. 68 — 70.

Всеобщее землеописаніе для народныхъ училищъ. Ч. I. См. **Гакманъ.**—Характеристика изданія въ двухъ частяхъ (напечат. въ 1788 и 1795 гг.). II. 67.

Вѣстникъ Европы. Воспоминанія артиста Бурдина объ А. Н. Островскомъ. IV. 21.

Вяземскій, князь П. А. Содѣйствіе его возникновенію журнала Московскій Телеграфъ. IV. 11.

Гавріилъ, архіепископъ (впослѣдствіи митрополитъ). Одобреніе имъ сокращеннаго катихизиса, составленнаго Янковичемъ де-Миріево для втораго класса народныхъ училищъ и написанной Янковичемъ священной исторіи. II. 47. 49.—Распоряженіе его объ отправленіи въ учительскую семинврію воспитанниковъ духовной семинаріи. II. 110

Гаевскій, В. П. Былъ членомъ коммисіи о присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году. I. 2.

Гайдуковъ, учитель народнаго училища. Сообщенія его: О народномъ повѣрьѣ въ Гродненской губерніи о волосахъ. III. 17—18.—Объ обычаѣ призыва мороза въ Ковенской губерніи. III. 38.—О причинѣ непроизводства работъ въ святочные вечера. III. 42. —Обряды въ Юрьевъ день въ Гродненской губерніи. III. 165—167.—Повѣрья и примѣты въ Юрьевъ день въ Ковенской губерніи. III. 170. 171.

Гакманъ. Преподавалъ географію въ учительской семинаріи. II. 46.—Написалъ на нѣмецкомъ языкѣ «Всеобщее землеописаніе для народныхъ училищъ. Ч. 1-я», переведенное на русскій языкъ Матинскимъ, переработанное и поправленное Янковичемъ де-Миріево (напечат. въ 1788 г.). II. 51.

Галаховъ, А. Д. Былъ членомъ коммисіи о присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году. I. 2.

Handbuch der Geschichte des Kaiserthums Russland, vom Anfange des Staats bis zum Tode Katherine der II. См. **Шлёцеръ.**

Императору драму А. Н. Островскаго: «Косьма Захарьичъ Мининъ Сухорукъ»; автору Высочайше пожалованъ подарокъ. IV. 20.

Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II, статья графа Д. А. Толстаго. Заботы императрицы о распространеніи образованія въ Россіи. II. 1. 2.—Школы по учрежденію для управленія губерній. II. 2. 3. — Переписка Екатерины съ Гриммомъ объ учебной части (1775—1780 гг.). II. 3—5.—Баронъ Дальбергъ. II. 4.—Совѣщанія Екатерины съ императоромъ Іосифомъ II объ учебной части. II. 5. 6.—Шаденъ. II. 6. 7.—Эпинусъ. II. 7—13.—Австрійская система начальнаго образованія. II. 13—34.—Янковичъ де-Миріево. II. 34—36.—Комиссія объ учрежденіи училищъ 1782 года. Завадовскій и Пастуховъ. II. 36—38.—Главное народное училище въ Петербургѣ. II. 38—45.—Козодавлевъ. II. 45. — Учительская семинарія 1786 г. II. 45. 46. — Составленіе учебныхъ руководствъ 1782—1796 г. II. 46—51.—Учебныя руководства для народныхъ училищъ. II. 52—88.— Учебный планъ 1782 г. II. 88. 89.— Народныя училища въ Петербургѣ. II. 89—91. — Народныя училища въ Петербургской губерніи. II. 91 — 93. — Открытіе главныхъ народныхъ училищъ въ 25-ти губерніяхъ 1786 года. II. 93—95.—Уставъ народныхъ училищъ 5 августа 1786 года. II. 96 — 102. — Сравненіе австрійской учебной реформы съ русскою. II. 102—106.—Приведеніе въ дѣйствіе указа 5 августа 1786 г. II. 106. 107.—Открытіе главныхъ народныхъ училищъ въ остальныхъ губерніяхъ. II. 107. — Учительская семинарія съ 1787 по 1796 г. II. 107—112.—Учителя. II. 112—114.—Содержаніе училищъ. II. 114 — 119. — Распространеніе учебнаго плана 1782 года на нѣмецкія училища. II. 119—122. — Комиссія объ учрежденіи училищъ. II. 122—123.—Результаты учебной реформы. II. 123—125.—Приложенія: I. Записки, пересланныя Гриммомъ императрицѣ. II. 127—132.—2. Russische Schul-Projecte (Eingelaufen den 10 Mai 1783). II. 132—147.—3. Собраніе уставовъ и инструкцій къ распространенію методы, дѣйствующей въ нѣмецкихъ, или простыхъ школахъ Нижне-австрійскихъ городовъ, мѣстечекъ и селъ. II. 151—214.

Гохэггеръ, Фр. См. **Бэръ** и **Гохэггеръ.**

Греческій словарь, составленный Филоновымъ. См. **Филоновъ,** Борисъ.

Гриммъ. См. **Переписка Екатерины II съ Гриммомъ.** — Предложеніе ему принять въ свое завѣдываніе учебную часть въ имперіи и отказъ его. II. 4. 5.

Гроза, драматическое произведеніе А. Н. Островскаго. Оцѣнка его. IV. 23.—Произведеніе это увѣнчано Уваровскою преміею. IV. 24.

Гротъ, Я. К., академикъ. Составленный имъ отчетъ о третьемъ при-

Марія-Терезія, австрійская императрица. Ею изданъ «Проектъ существеннаго улучшенія простонародныхъ школъ». II. 16.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Изданіе 2-го и 3-го томовъ. См. **Сухомлиновъ, М. И.**

Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. См. **Кеппенъ,** академ.

Матеріалы и изслѣдованія изъ исторіи романа и повѣсти. Первый выпускъ ихъ, напечатанный А. Н. Веселовскимъ. IV. 11. 12.

Мацевичъ. Ан. Имъ записаны и сообщены: дожиночная пѣсня въ Минской губерніи. III. 276; бесѣдныя пѣсни въ Минской и Гродненской губ. III. 291. 346. 382. 388; бытовая (рекрутская). III. 468. 469.

Машурко, М. Г. Записанныя имъ въ Могилевской губерніи пѣсни: жнивныя (житныя). III 249. 250. 252—254; жнивная (ярная). III. 257. 263; дожиночная. III. 285. 286.

Мессмеръ, Іосифъ, ректоръ городскихъ училищъ Вѣны. Его проектъ объ улучшеніи вѣнскихъ школъ. II. 16—18.

Меховита, польскій лѣтописецъ. Имъ пользовался Стриттеръ при составленіи Исторіи Государства Россійскаго. II. 84.

Микѣшинъ, М. О., художникъ. Записалъ въ Смоленской губерніи пѣсню разгульную. III. 536.

Миллеръ, академикъ. См. **Экспедиція въ Камчатку.**

Миллеръ, В. Его «Очерки арійской миѳологіи». III. 98. — Его же «Русская масляница и западно-европейскій карнавалъ». III. 124.

Миллеръ, конференцъ-секретарь Академіи Наукъ. Его заявленіе Академіи о приглашеніи на службу Эпинуса. II. 7. 8.

Миллеръ, О. Ѳ. Въ его брошюрѣ о пѣвцѣ Верпсаѣ имѣются свѣдѣнія о птицѣ чечоткѣ. III. 582.

Минихъ, графъ Х. С., дѣйствительный камергеръ. Былъ членомъ управы, надзиравшей за училищемъ при лютеранской церкви св. Петра II. 119. 120.

Мироновичъ, В. Записалъ въ Минской губерніи шуточную пѣсню. III. 496. 497.

Мицкевичъ, Адамъ. **Переводы** (изъ него) **Н. П. Семенова.** Рецензія этого сборника, сдѣланная Ѳ. Франц. Вержбовскимъ, и присужденіе Семенову Пушкинской преміи. I. 11—20. 53—77.

Мицкевичъ, В. Библіографическая статья его о произведеніяхъ его отца, **Ад. Мицкевича.** I. 54.

Могучая, М. Записала шуточную пѣсню въ Витебской губерніи. III. 521—523.

Мои досуги. Изданный Ѳ. И. Буслаевымъ сборникъ мелкихъ его сочиненій, относящихся къ литературѣ и искусству. IV. 12. 13.

скій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета. — Издалъ сочиненіе Коменскаго «Orbis pictus» подъ заглавіемъ: «Видимый Свѣтъ». II. 80.

Шаруничъ, А. М. Записалъ колядныя пѣсни въ Минской губерніи. III. 36—60. 96.— Сообщеніе его объ одной колядной игрѣ въ той же губерніи. III. 114. 115.

Шахматовъ, А. Его «Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка». IV. 7. 8.

Шейнъ, П. В. Составленный имъ Бѣлорусскій Сборникъ. III. 3—585. — Его же «Русскія народныя пѣсни» и «Бѣлорусскія народныя пѣсни». См. эти названія. — Статья его въ Русской Старинѣ, подъ заглавіемъ: «Крѣпостное право въ народныхъ пѣсняхъ». III. 579.

Шимановская, М. Она упоминается въ стихотвореніяхъ Ад. Мицкевича. I. 75.

Шимковичъ, С. К. Сообщеніе его объ обычаѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Витебской губерніи «справлять муравинки». III. 11. 12.— Сообщилъ: крестинную пѣсню въ Могилевской губерніи. III. 34. 35; бесѣдныя въ Витебской и въ Виленской губ. III. 332. 333. 383. 384. 394; бытовыя (рекрутскую и солдатскую). III. 469. 476.

Шишко, Никиф., учитель. Записалъ въ Гродненской губерніи пѣсни бытовыя (рекрутскія). III. 457. 469. 470.

Школы по учрежденію для управленія губерній 1775 года. Организація и судьба ихъ. II. 2. 3.

Шлегель-Тикъ. Ихъ переводъ «Макбета». I. 5. 10. 36. 38. 45. 47. 48.

Шлегель, нѣмецкій переводчикъ Шекспира. I. 3.

Шлёцеръ. Въ его «Staats-Anzeigen» помѣщенъ отзывъ Екатерины II о средствахъ на осуществленіе предложеннаго Эпинусомъ учебнаго преобразованія. II. 13. — Перевелъ на нѣмецкій языкъ «Краткую россійскую исторію» подъ заглавіемъ: «Handbuch der Geschichte des Kaiserthums Russland, vom Anfange des Staats bis zum Tode Katherine der II». II. 85. 86.—Его изслѣдованіе «Tableau de l'histoire de Russie, und Geschichte von Russland bis auf die Erbauung von Moskau im J. 1147.» II. 86.

Шмидтъ. Его Geschichte der Pädagogik. II. 79.

Шолковичъ, Ек. В. Записала и сообщила волочебную пѣсню въ Минской губерніи. III. 136—140.

Шолковичъ, Е. П. Записалъ и сообщилъ: крестинную пѣсню изъ Минской губерніи. III. 24. 25; дожиночную пѣсню той же губерніи. III. 273; бесѣдную. III. 385.

Шолковичъ, П. Вук. Свѣдѣнія его о колядныхъ игрищахъ и пѣсняхъ въ Минской губерніи. III. 108—110.

——оо❦оо——